

В рамках исследования

ДЕСОВЕТИЗАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Александр ОПАРИН

ВВЕДЕНИЕ

В преддверии 80-й годовщины окончания Второй мировой войны снова начались дискуссии о месте и роли СССР в этой войне и Великой Победе над нацистской Германией и императорской, милитаристской Японией. Дискуссии в основном среди западных специалистов, но через электронные СМИ они транслируются и в нашем социально-политическом пространстве.

Например, в одной польской радиостудии, вещающей в том числе в Беларусь,

несколько лет назад женщина средних лет буквально захлебывалась от восторга по поводу своего сына, который после 2020 г., ставшего рубежным для страны, дескать, «попыкивал все русские учебники истории» и начал смотреть «правильные», по её словам, ютуб-каналы, где неожиданно для себя узнал, что не было, оказывается, Великой Отечественной войны, а «была Вторая мировая война, которая началась в 1939 г.». Дальнейшую сюжетную линию

про «соучастие» СССР в её развязывании в рамках «союзничества» с нацистской Германией воспроизводить не будем — этот устоявшийся пропагандистский миф, основанный на идеологически ангажированной интерпретации исторических фактов, лишь одно из проявлений ведущейся с начала 1990-х целенаправленной деятельности по десоветизации нашего общественного-политического, социально-

культурного и даже обыденного пространства.

В этой статье мы попробуем разобраться, что же собой представляет десоветизация, какие формы она может принимать и как конкретно процедуры десоветизации отражаются на восприятии в обществе событий Великой Отечественной войны и аксиологических, ценностных аспектов Победы в этой войне.

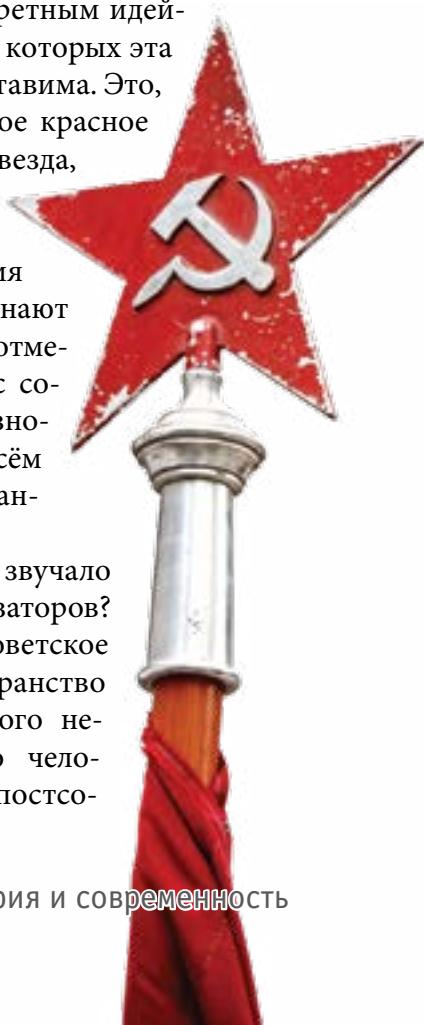
ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Итак, что представляет собой десоветизация и какие формы она может принимать? Возьмём за основу формулу, что десоветизация — это процессы дискредитации, демонтажа и изживания Советского проекта, существенным элементом которых, призванным служить их легитимации, является признание Советского проекта в качестве тоталитарного «побратима» итальянского фашизма и германского национал-социализма. Уместным представляется и выделение трёх основных форм десоветизации: социально-политической (дискредитация и тотальная деструкция советской идеологической и политической системы); социально-экономической (дискредитация и демонтаж советской плановой экономической системы) и социокультурной (дискредитация и разрушение советского культурно-исторического наследия, причём как материального, так и нематериального) [1]. В общем, десоветизация предполагает избавление и очищение от советского наследия во всех общественных сферах: от образа жизни людей до принципов управления, экономического уклада, знаковой и символической реальности национальных праздников, памятников культуры и архитектуры — это уже определение десоветизации, сформулированное в качестве политической задачи белорусскими буржуазными политологами [2, с. 132].

Что в таком случае мы понимаем под десоветизацией Великой Победы? Это любые попытки пересмотреть, подвергнуть тоталь-

ной ревизии, дискредитировать роль советского общественно-политического строя и советского многонационального народа в Победе. Что такое десоветизация ценностей Победы? Это попытка девальвировать те гуманистические идеалы (например, социальное и национальное равенство, социальную справедливость, интернационализм и пр.), на которые ориентировались бойцы и командиры Красной Армии, партизаны и подпольщики в борьбе с врагом. Сюда добавим политические и военные символы первого в мире социалистического государства с их вполне конкретным идеяным наполнением, без которых эта борьба сейчас непредставима. Это, прежде всего, советское красное знамя, это красная звезда, это серп и молот. Которые, к слову, все последние десятилетия первым делом начинают подменять или даже отменять в своей борьбе с советским прошлым разного рода деятели на всём постсоветском пространстве.

Помните, как это звучало всегда из уст десоветизаторов? Надо разрушить советское символическое пространство и выбить «совка», этого ненавистного «красного человека», из сознания постсо-

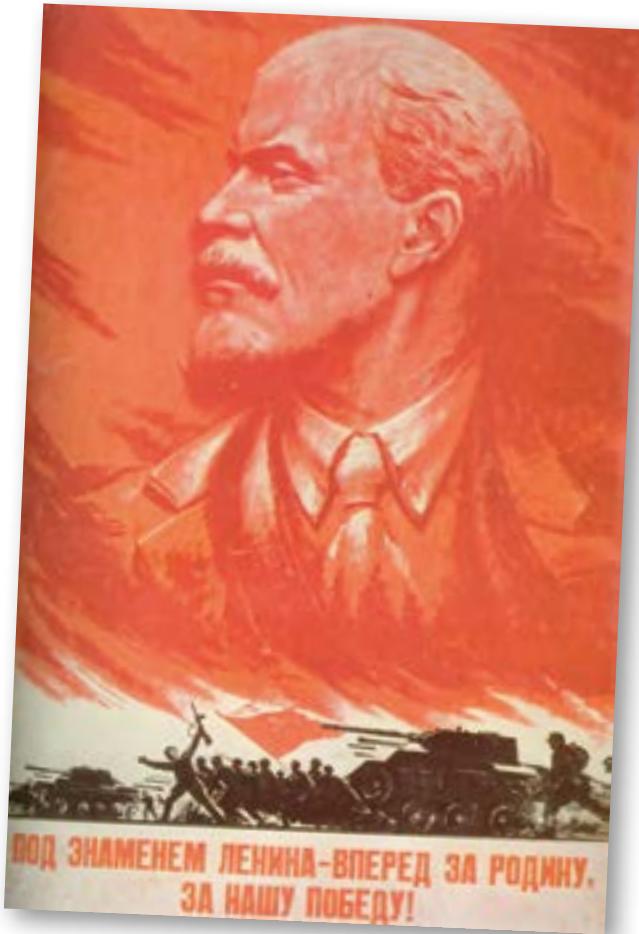

ветских людей. Надо убрать все те места памяти, улицы, символы в населённых пунктах, которые привязывают население к советскому; надо убрать все политические процедуры и институты, привязывающие к советскому, — те же Советы депутатов, прямое делегирование в выборные органы власти представителей трудовых коллективов и т. д. Потому что «советское» — оно в мышлении, оно в памяти, оно — в сознании. «Не избавившись от советского в мозгах, мы не сможем перейти к построению собственного суверенного национального государства, мы не сможем интегрироваться в Европу», — писал когда-то по этому поводу один известный белорусский антикоммунист-методолог В. Былина [2, с. 132].

В итоге всё это происходило и происходит за счёт внесения в общественное пространство и массовое сознание иных, альтернативных советским исторических нарративов: националистических, имперских, разного рода мифов про «славное прошлое» или, скажем, не менее славное «европейское будущее» и т. д. Десоветизация в разной степени затронула все без исключения государства постсоветского пространства, причём в ряде случаев следует говорить о двух и более волнах десоветизации, которые имели или имеют отложенный характер. Про Украину говорить не станем — её трагедия у всех на виду. Обратимся к негативным примерам нашего ближайшего союзника и партнёра по Союльному государству — Российской Федерации, но не обойдём вниманием и примеры из Беларуси.

Так вот, по мнению российских товарищей, у них в стране вторая волна десоветизации (после массового переименования улиц и площадей, случившегося на заре российской независимости) коснулась как раз семиотики Великой Победы и её смыслового наполнения. Это началось примерно в 2005 г., когда были запущены процедуры замены и подмены советских символов Победы на символы, пусть и исторические, но не имеющие никакого отношения к триумфу СССР над нацистской Германией. Этот

момент совпал со стартом акции «Георгиевская лента» и ежегодным сокрытием Мавзолея Ленина в дни празднования Дня Победы. Согласимся, что такая искусственная деформация привычного символического пространства легко укладывается в логику десоветизации настоящего, направленную на разворопление советской эпохи из привычной городской среды, топонимики, архитектурных сооружений и целостных ансамблей, а также знаково-символьного сопровождения той эпохи. Она призвана если не элиминировать из массового сознания все «следы» советского, то хотя бы послужить деконструкции структур коллективной памяти о советском с привнесением туда иных смыслов и погружением её в иной контекст.

В своё время французским философом М. Хальбваксом был предложен концепт «коллективной (социальной) памяти», который представляет воспоминание в качестве

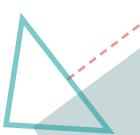
некоего процесса воображаемой реконструкции, в рамках которого мы интегрируем специфические образы, созданные в настоящем, в особую связанную семантическую конструкцию, отождествляемую с прошлым. Накопленные так образы не являются вызванными из реального прошлого, а только репрезентируют его, представляют в нашем настоящем, придавая ему определённую ценностную трактовку. В этом смысле они выражают наше сегодняшнее понимание о том, каким могло быть прошлое [3, с. 15—18; 4, с. 199—200]. При этом данные представления связаны с особыми переживаниями, они эмоционально окрашены и не оставляют своих носителей безучастными к тому прошлому, которое представлено в их сознании и которое они ощущают как подлинное. Эти представления формируют социальную память, а та, в свою очередь, становится важнейшим элементом «социального воображаемого» — того, что общество в целом само думает о себе. Изымая из доступа те или иные элементы реконструируемого прошлого или предлагая их альтернативные интерпретации, кардинально расходящиеся с прежними, мы в настоящем подвергаем это воображаемое прошлое деконструкции и так меняем его в нужную сторону, в том числе меняя его оценочно-ценностное, аксиологическое наполнение.

Драпировка Ленина как центральной смыслообразующей фигуры Советского проекта — это логичный элемент десоветизации российского социального ландшафта, чему служат ещё и попытки пересмотра исторической созидающей роли Владимира Ильича (с переквалификацией её в «подрывную») и его превращение из основателя первого в мире социалистического государства в «революционера-террориста» и «вандала». «Когда Ульянов-Ленин захватил в России власть, то он начал своё правление именно с тех действий, которые В. И. Матвиенко квалифицирует как “вандализм”», — пишет одно российское сетевое издание [5]. «Заложили атомную бомбу под здание, которое называется Россией, она и рванула потом...» — так оценивает роль Ленина в будущем страны другое высшее должностное лицо российского государства [6]. Это позволяет поставить под сомнение тот модернизационный пафос, которым были наполнены первые десятилетия реализации Советского проекта, и дискредитировать реальные достижения социалистического строительства, позволившие в том числе одержать победу в Великой Отечественной войне. И этот процесс, разумеется, будет продолжен.

Достаточно пессимистическую оценку перспективам всех этих «драпировочных» мероприятий дал известный российский историк-советолог Е. Спицын: «Вся советская символика, в том числе и красная звезда, и Знамя Победы — это всё будет так или иначе подменяться. Под любой вывеской. Надо — под вывеской пацифизма нарисуют белых голубей. Надо — под вывеской любви к амурскому тигру нарисуют амурского тигра и скажут, что он раскрашен в георгиевский цвет...» [7].

В этой связи стоит упомянуть один известный механизм десоветизации — априориацию, по-просту — присвоение советского исторического

опыта и достижений советского социалистического строя современными властями постсоветских стран; в нашем случае — это присвоение Победы и памяти о ней. Если в американской и — шире — западной культуре коммунизм и всё советское синонимичны, то для нынешних постсоветских провластных и привластных неоконсерваторов, наоборот, никакой связи советского с социализмом и коммунизмом нет. Они по-просту выхолащивают советскую историю, востребовав в ней только геополитическое, территориальное, имперское (как вариант — узконациональное) содержание внутри советского, и выбрасывают на свалку политическую идентичность СССР как интернационального социалистического государства и как силы, предлагавшей альтернативу капиталистической системе. Исключение политического содержания советского как социалистического и делает возможным правоконсервативное присвоение советского [8, с. 26—27].

Рассматривать Великую Отечественную войну сквозь призму цивилизационного подхода или приписывать решающую роль в Победе какому-то определённому народу многонационального СССР при умалении участия других народов — это и есть то, что называется апpropriацией советского спра-ва. При том что интернационализм — это ещё один важнейший маркер, отличающий советскую идентичность, который сейчас не любят некоторые постсоветские идеологии от истории («utiлизаторы истории» — как их очень, на мой взгляд, удачно назвали на одном белорусском телеграм-канале).

Всё это, с одной стороны, наглядно реализовано в представлении о Великой Отечественной войне как продолжении «извечного» противостояния России с коллективным Западом, их цивилизационного конфликта и т. д. [9, 10]. Но, с другой стороны, дела обстояли иначе. Война носила не геополитический, а идейный характер: это было противостояние не на жизнь, а на смерть двух идеологий (коммунистической и идеологии нацизма) и двух общественно-политиче-

ских систем (социализма и капитализма). В этом контексте даже обращение к образу Сталина оказывается симптоматичным, поскольку именно он первым попытался связать эти две традиции в истории России: самодержавно-имперскую и новую, модернистско-советскую. Пример этого — то же появление орденской гвардейской ленты, прототипом которой выступила георгиевская лента: непростые условия течения Великой Отечественной войны требовали срочной адаптации имевшихся идеологических лекал, чтобы связать недолгую, пусть и героическую, традицию Красной Армии с более весомой и авторитетной победной традицией русской армии. Этому должно было ещё способствовать возвращение в армию офицерских званий и погона и появление соответствующих орденов («Александра Невского», «Суворова», «Кутузова», «Нахимова» и т. д.), а также формирование идеологемы «русского народа-победителя» [11, с. 239—240]. Вряд ли генералиссимус хотел противопоставить русский народ другим народам, однако за него это делают современные идеологи русского национализма. В итоге «вот эти разговоры, что вот русский народ победил, русские победили... Когда вот это звучит, это, конечно же, обижает все остальные республики. Потому что это был вклад всех советских республик, всего советского народа в победу. И об в этом всё время нужно говорить именно в этом ключе», — считают казахские эксперты [12].

Это подводит нас к другой «ипостаси» апpropriации, когда происходит приватизация исторической памяти в бывших советских национальных республиках, даже в тех, где к Великой Отечественной войне сохранили особое и трепетное отношение. Но если прежде общая борьба советских народов давала возможность, не игнорируя, а скорее наоборот, акцентируя внимание на местной специфике, создавать модель общего патриотизма — общей советской идентичности [13, с. 218], то теперь «одной из особенностей политики памяти на постсоветском пространстве становится формирование образа

войны в соответствии с национальными приоритетами и текущей политической обстановкой» [13, с. 72]. Великая Отечественная война продолжает рассматриваться как война советского народа, но когда политика памяти становится частью государственной политики, направленной на объединение нации, построение общегражданской идентичности, в её истории всё больше внимания уделяется национальным аспектам войны: национальным героям, событиям на суверенной территории, а не за пределами её — хоть бы они и имели важнейший, системообразующий характер для хода войны. Так, в процессе формирования исторической памяти в независимой Беларуси одной из особенностей стало конструирование представления о том, что именно БССР внесла основной вклад в героическое сопротивление немецко-фашистским захватчикам, при этом особую роль играет так называемый «партизанский миф» (впрочем, в последние годы всё чаще звучит рефрен, что, прежде чем стать «республикой-партизанкой», она едва ли не первой встретила врага и дала ему решительный отпор). В результате неизвестно и постепенно стал уходить в тень «советский народ как победитель фашизма» и на его почётное место заступил белорусский народ [15, с. 93].

Впрочем, возможен и другой, более радикальный негативный вариант. Например, причины Второй мировой войны официальная историография Грузии, Латвии, Литвы, Эстонии, Молдовы и Украины связывают с «пактом Молотова — Риббентропа» и откровенно называет Советский Союз агрессором. Такое изображение СССР помогает оправдывать местных пособников фашизма и представлять их борцами за национальную независимость [16]. В то время как в той же Беларуси по-прежнему подчёркивают важнейший характер военных событий на территории БССР для формирования белорусской нации, признают решающую роль Ленина и Сталина в оформлении национальной белорусской государственности, преемственность БССР и современной

Республики Беларусь не только исторического, но и идеологического свойства.

А как симптоматично теперь может быть обыгран красный цвет Знамени Победы! «В красном знамени немножко читается стяг Спаса Нерукотворного, потому что он на красном фоне», — неожиданно сообщает российский политолог С. Марков, говоря о том, что, по его мнению, важнейшим символом Российской СВО сейчас должно стать красное Знамя Победы [17]. Как мы видим, он пытается обнаружить в нём общность не только с советским флагом, но и с красными православными стягами и даже идёт дальше — присваивает право на этот важнейший символ Победы только российской стороне, вымывая одновременно из него прежнее идеологическое содержание, отсылающее к красному флагу Парижской коммуны, олицетворяющему кровь угнетённых классов, пролитую в борьбе за освобождение от эксплуатации. В конце концов, Красное знамя над рейхстагом было идейным наследником этого известного революционного символа. Хотя оно само, в свою очередь, стало олицетворять безоговорочную победу советской общественно-политической системы и социалистической идеологии над нацизмом. Тут же мы видим всё ту же априориацию реакционными силами прежних советских символов и попытки обыграть их прежние значения в новом, имперском ключе, отменяющие тот известный проверенный историей тезис, что фашизму во всех его формах может противостоять только социализм, опирающийся в своей борьбе на дружбу народов, на интернационализм.

К слову, что касается Знамени Победы, то российским законодательством установлено, что «Знамя Победы является официальным символом победы советского народа и его Вооружённых Сил над нацистской Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., государственной реликвией России» [18]. Также Знамя Победы является с 1996 г. официальным символом Победы у нас, в Республике Беларусь, и в Приднестровье (с 2009 г.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершение поговорим о том, как десоветизация латентным образом стремится поменять общественное представление о войне и Победе. Отдельными аксиологическими элементами Победы в Великой Отечественной являются, несомненно, образы героев этой войны. Поставить под сомнение их подвиги, дискредитировать их в глазах общественности — это тоже один из важнейших моментов крадущейся десоветизации Победы. Или, скажем, кардинально пересмотреть принятый образ героя, изменить общепринятую трактовку, ракурс рассмотрения, привязать к другой эпохе — в прямом смысле десоветизировать и таким образом присвоить другой, принципиально не советский, образ.

Так, например, администрация г. Обнинска в 2019 г. объявила конкурс на проект городского памятника Г. К. Жукову, в котором отдельно было оговорено, что будущий маршал Победы должен быть изображён

в унтер-офицерской форме императорской армии [19]. Казалось бы, какая связь между Победой и службой Жукова в царской армии? А связь есть: прежде чем стать красным командиром и советским маршалом, он состоялся как герой империалистической войны, успев получить два Георгиевских креста. То есть Жуков состоялся как мужественный человек и русский патриот ещё в условиях самодержавия, сформировал его царский режим, а не советский, и он прежде всего русский патриот (а может даже и криптомонархист?), а потом уже советский человек. Подмена смыслов? Налицо! Причём очень грамотная и вероломная подмена.

Кроме того, в Волгограде бюст полному георгиевскому кавалеру и Герою Советского Союза К. И. Недорубову был заменён на ростовой памятник, где молодой Недорубов стоит в форме царской армии, без Золотой звезды СССР. Причём заменой «советского»

Недорубова на «несоветского» занималось Российское военно-историческое общество [20], т. е. это целенаправленная политика, а не случайность и ошибка на местах.

Так, шаг за шагом, постсоветские режимы с разными целями и разным успехом занимаются переформатированием и подменой символов и смыслов Победы в Великой Отечественной войне как величайшего подвига советского народа и советского строя. Одновременно дискредитации подвергается весь в целом Советский проект, как не прекрас-

щаются и попытки элиминировать память о нём из социально-политического и культурного ландшафтов. Всё это направлено на деконструкцию (а возможно, и даже на тотальную деструкцию) коллективной социальной памяти населения постсоветских стран об их советском прошлом, реальных достижениях национальных республик за время существования СССР. Экономический и политический коллапс, весь постсоветский ужас, а местами и наступившее откровенное средневековье, которые пережили и переживают бывшие граждане Советского Союза, за отсутствием исторической памяти о прошлом и невозможности сравнивать, становится не таким пугающим и позволяет примириться с действительностью. Если позволить себе перефразировать сказанное С. Жижеком в отношении идеологии, то подобное беспамятство (а на самом деле идеологическое сознание, в Марковом смысле перевёрнутое, ущербное по отношению к своему образцу) маскирует невыносимую, реальную, непостижимую сущность и представляет саму социальную действительность как укрытие от неё [21, с. 52]. Хотя мы все наверное знаем, что на самом деле десоветизация стабилизирует власть национальных элит, сформировавшихся после распада СССР и краха советской модели социализма и узурпировавших право на власть, потому что иммунизирует общество от новых левых веяний и справедливой возможности реставрации социализма.

Список использованных источников

1. Десоветизация как фактор дестабилизации РФ / Р. Романов // ИА «Красная весна». — URL: <https://rossaprimavera.ru/article/ad3b432b> (дата обращения: 24.05.2024).
2. Былина, В. Десоветизация как политический проект / В. Былина // «Палітычна сфера». — № 21 (2) 2013. — С. 131—138.
3. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2—3. — С. 8—27.
4. Хаттон, П. Х. История как искусство памяти / П. Х. Хаттон ; пер. с англ. В. Ю. Быстрова. — СПб. : Изд-во «Владимир Даль», 2004. — 424 с.

5. Протоиерей Геннадий Беловолов: «Ленин — террорист № 1 в русской истории» / Г. Беловолов // Информационно-аналитическая служба «Русская народная линия». — URL: https://ruskline.ru/news_rl/2010/12/07/protoierej_gennadij_belovolov_lenin_terrorist_1_v_russkoj_istorii (дата обращения 30.12.2024).
6. Песков попросил не возмущаться критическим высказывания Путина о Ленине // Сетевое издание «Интерфакс.ру». — URL: <https://www.interfax.ru/russia/490891> (дата обращения: 21.12.2024).
7. Десоветизация подбирается и ко Дню Победы // ИА «Накануне.RU». — URL: <https://www.nakanune.ru/articles/113927> (дата обращения: 11.10.2024).
8. Мамедов, Г. Почему нас интересует советское? / Г. Мамедов // Квир-коммунизм это этика. — М. : Свободное марксистское издательство, 2016. — С. 19—29.
9. Васецкий, Н. А. Апология Великой Победы. 1941—1945 гг.: Цивилизационный фактор / Н. Васецкий // Социология. — 2020. — № 1. — С. 66—77.
10. Вардан Багдасарян: Мы — цивилизация / В. Багдасарян // Официальный сайт АНО «Информационно-экспертный центр «ИЗБОРСКИЙ КЛУБ». — URL: <https://izborsk-club.ru/26366> (дата обращения: 11.04.2025).
11. Опарин, А. Ю. Коллективная память о Великой Отечественной войне и гражданское согласие / А. Опарин // Беларусь и белорусы в годы Великой Отечественной войны : материалы Республиканской научно-практической конференции, посвящённой 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Минск, 13 мая 2015 г. / редкол.: А. М. Литвин [и др.]. — Минск : БГАТУ, 2015. — С. 235—242.
12. Почему в Казахстане по-своему отмечают 80-летие Победы / И. Никитин // Сетевое издание «RTVI». — URL: <https://rtvi.com/stories/pochemu-v-kazahstane-po-svoemu-otmechayut-80-letie-pobedy> (дата обращения: 25.04.2025).
13. Гриневич, В. Расколотая память. Вторая мировая война в историческом сознании украинского общества / В. Гриневич // Неприкосновенный запас. — № 2—3. — 2005. — С. 218—227.
14. Kovba, D. M., Gribovod, E. G. Особенности формирования и реализации политики памяти о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве // Научный журнал «Дискурс-Пи». — 2020. — № 2 (39). — С. 59—77.
15. Ластовский, А. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой / А. Ластовский // Вестник общественного мнения. — 2009. — № 4 (102). — С. 88—99.
16. Как переписывают историю в школьных учебниках народов бывшего СССР / М. Каракулов // Medium. — URL: <https://medium.com/history-and geopolitics/b712be8d36cd> (дата обращения: 11.11.2024).
17. «Мы сами снаряды к батареям врага подносим». Политолог Сергей Марков — о том, что не так с символами Z и V / А. Ампелонская // Интернет-газета «Фонтанка.ру». — URL: <https://www.fontanka.ru/2023/10/02/72768359> (дата обращения: 25.11.2024).
18. Федеральный закон от 7 мая 2007 г. № 68-ФЗ «О Знамени Победы» // Интернет-портал «Российской газеты». — URL: <https://rg.ru/documents/2007/05/08/znamya.html> (дата обращения: 16.04.2025).
19. В Обнинске собирались ставить памятник маршалу Жукову в форме унтер-офицера // ИА «Красная Весна». — URL: <https://rossaprimavera.ru/news/7a0e3b9f> (дата обращения: 11.11.2024).
20. В Волгограде открыли памятник Константину Недорубову // АиФ-Волгоград. — URL: https://vlg.aif.ru/society/details/v_volgograde_otkryli_pamyatnik_konstantinu_nedorubovu (дата обращения: 11.11.2024).
21. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / Славой Жижек ; пер. с англ.: В. Софонов. — М. : Художественный журнал, 1999. — 235 с.

Материал поступил в редакцию 12.05.2025.